

Е. Н. Стародумова

<https://orcid.org/0000-0002-3327-1021>

✉ el.starodumova@gmail.com

*Астраханский государственный университет
(Россия, Астрахань)*

TRANSLATION STUDIES: ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Аннотация. Цель предлагаемой работы — представить ключевые моменты превращения западной науки о переводе в конце XX в. из подраздела контрастивной лингвистики в самостоятельную динамично развивающуюся гуманитарную дисциплину (translation studies). В статье анализируются теоретико-философские предпосылки изменения научного и академического статуса западных переводческих штудий последней четверти прошлого века, основные вехи и ключевые фигуры этого процесса. Кратко резюмируются важнейшие теоретические сдвиги, определившие развитие западной теории перевода на рубеже XX–XXI вв. Автор приходит к выводу, что начиная с конца 1970-х годов пути развития западного и отечественного переводоведения расходятся. В западных translation studies после «культурного поворота» (cultural turn) происходит отказ от концепции «нейтрального» перевода в пользу нового, политизированного взгляда на него как инструмент формирования культурной идентичности. Переводчик, которому в рамках лингвистически-ориентированной теории перевода отводилась скромная роль переносчика смысла (буквально: translator), в рамках культурно-ориентированной парадигмы занимает место соавтора, полноправного субъекта политического диалога, который при желании способен сопротивляться узурпаторству и этноцентризму собственной культуры.

Ключевые слова: западное переводоведение, лингвистически-ориентированная теория перевода, форенизирующий перевод, культурный поворот, этноцентризм в переводе, Мария Тимочко, Лоуренс Венути

Для цитирования: Стародумова Е. Н. Translation studies: из истории одной дисциплины // Шаги/Steps. Т. 11. № 3. 2025. С. 251–264. EDN: VUQWTS.

Поступило 14 декабря 2024 г.; принято 29 июня 2025 г.

E. N. Starodumova<https://orcid.org/0000-0002-3327-1021>✉ el.starodumova@gmail.com*Astrakhan State University
(Russia, Astrakhan)*

THE DEVELOPMENT OF TRANSLATION STUDIES AS A DISCIPLINE

Abstract. The article provides a detailed commentary on the development of Western translation thought in the late 20th century, from a subdivision of contrastive linguistics into an independent, dynamically developing discipline within the humanities (translation studies). The author analyzes the theoretical and philosophical preconditions for the change in the scientific and academic status of translation within the Western academic field, the main milestones and key figures of this process. After having summarized the most important theoretical shifts that took place in Western translation thought at the turn of the 20th and 21st centuries, the author comes to the conclusion that since the late 1970s the development paths of Western and Russian translation studies have diverged. In Western translation studies, after the ‘cultural turn’, the concept of ‘neutral’ translation is abandoned in favor of a new politicized view of translation as a tool for shaping cultural identities. The translator, who in the linguistic model was relegated to the modest role of a technical assistant, is seen in the culturally oriented paradigm as a co-author, a fully-fledged subject of political dialogue, capable of resisting the usurpation and ethnocentrism of their own culture. The new Western translation ethics is largely determined by the call to resist the dominants of the target culture and not be afraid of open political activism.

Keywords: Western translation studies, linguistics-oriented translation theory, foreignizing translation, cultural turn, ethnocentrism in translation, Maria Tymoczko, Lawrence Venuti

To cite this article: Starodumova, E. N. (2025). The development of translation studies as a discipline. *Shagi / Steps*, 11(3), 251–264. EDN: VUQWTS. (In Russian).

Received December 14, 2024; accepted June 29, 2025

Введение

В последние десятилетия наметилось очевидное теоретическое расхождение между отечественной и западной теориями перевода. В конце прошлого века западные переводческие штудии пережили стремительное превращение из прикладной вспомогательной дисциплины (подраздела контрастивной лингвистики) в автономную и динамично развивающуюся науку. В конце 1970-х — 1980-е годы изменение культурного и академического статуса translation studies было подготовлено новаторскими работами представителей так называемого культурного поворота (Г. Тури, Т. Херманс, С. Басснетт, А. Лефевр). В 1990-е годы представители постструктурализма в теории перевода (в первую очередь Л. Венути и Р. Аррохо) положили начало критическому пересмотру основополагающих концептов традиционной переводческой теории (*оригинал / перевод, точность / вольность, автор / переводчик*), радикальному переосмыслению культурной роли перевода и его этики.

Тридцать с лишним лет спустя работы перечисленных авторов все еще остаются на периферии отечественной теории перевода. Это подтверждается, в частности, отсутствием упоминаний о них и представляемых ими направлениях в опубликованных в последние десятилетия учебных пособиях по переводу. Знакомство с архивом профильных журналов («Мосты: журнал переводчиков», «Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода») и интернет-архивом материалов о переводе «Думать вслух»¹ создает впечатление, что отечественная теория перевода продолжает развиваться в русле лингвистической парадигмы, господствовавшей в международном переводоведении в 1960–1970-е годы, оставаясь непроницаемой для новых веяний [Бузаджи 2008; 2011; 2014; Ланчиков 2014]. Усилия отдельных исследователей, пытающихся творчески использовать опыт западной теории перевода (А. Л. Борисенко, Е. С. Островская, Е. Е. Земскова), не меняют общей картины, а зачастую наталкиваются на энергичный отпор [Борисенко 2007; 2008; Ланчиков 2007; 2008].

В условиях наметившегося теоретического разрыва полезно вернуться к условной «точке бифуркации» и вспомнить ключевые моменты эволюции западных translation studies во второй половине XX в.: от дисциплины, занятой изучением степени «эквивалентности» перевода «оригиналу» и формулировкой универсальных переводческих «норм» и «законов», — к рефлексивной, находящейся в постоянном поиске новых методов и подходов, динамично развивающейся гуманитарной науке.

Рождение дисциплины

В 1970–1980-е годы западное переводоведение эмансипировалось от лингвистики и литературоведения и обособилось в качестве самостоятельной академической дисциплины, точнее, комплекса дисциплин, объединенных общим наименованием *translation studies*. Институциональное

¹ URL: <http://thinkaloud.ru>.

обособление означало не только повышение научного статуса науки о переводе, но и отход от доминировавшей в 1960-е годы сугубо лингвистической концепции перевода в пользу культурно-ориентированных подходов. Начавшееся в западной науке еще в 1970-е годы переосмысление функции перевода было тесно связано с общей эпистемологической эволюцией гуманитарных наук, растущим интересом к осмыслению механизмов описания и интерпретации культуры. К концу 1970-х годов сформировалось понимание того, что гуманитарное научное знание представляет собой не столько результат «объективного» описания и научного анализа «сырых фактов», сколько культурный конструкт, результат перевода наблюдаемых явлений на язык и систему категорий изучающей культуры со всеми вытекающими отсюда последствиями: деформациями, манипуляциями, сдвигами и т. д. Другими словами, в полной мере были осознаны роль, которую в производстве этнографических, социологических, исторических, филологических и других текстов играют механизмы перевода, а также влияние, которое эти механизмы оказывают на полученные результаты [Максимова 2012]. Проблемы репрезентации и интерпретации культур, как и проблема производства этического (т. е. не этноцентричного) знания об этих культурах, оказались в центре внимания целого ряда социальных и гуманитарных дисциплин.

Условной датой рождения translation studies принято считать конференцию 1976 г. «Литература и перевод» в Лёвене (Бельгия). Но если на теоретическом уровне необходимость теоретико-методологической систематизации и институционального обособления была осознана большей частью переводческого сообщества уже к середине 1970-х годов, то на практике выделение translation studies в самостоятельную академическую единицу вызвало неизбежное противодействие внутри университетских структур и трения со «старшими» дисциплинами — контрастивной лингвистикой, сравнительным литературоведением и т. д. В 1979 г. Вернер Колер имел все основания говорить о непреодоленном «кризисе легитимации» переводческих штудий в Европе [Рум 1995: 156]. Новую дисциплину с самого начала отличали теоретический плюрализм и рано обозначившееся многообразие подходов и направлений. Уже в конце 1970-х годов в качестве самостоятельной области исследования выделилась так называемая теория полисистем (И. Эвен-Зохар), развитие которой через несколько лет привело к формированию дескриптивного переводоведения (descriptive translation studies). В середине 1980-х годов список новых направлений дополнили «школа манипуляции» и скопос-теория. В 1990-е годы развитие translation studies отмечено так называемым культурным поворотом (cultural turn), активную роль в котором сыграли Сюзен Басснетт и Андре Лефевр; развитием постколониальных (Т. Нираньяна, Х. Бхабха) и феминистских (Б. Годар, Ш. Саймон, Л. фон Флоту) переводческих штудий.

Так, пройдя в 1970-е годы через естественный кризис самоидентификации и легитимации, в 1980-е наука о переводе пережила теоретическое

размежевание и диверсификацию направлений исследований, чтобы в 1990-е перейти к этапу «глобальной экспансии» [Bassnett 2002: 1].

Новые парадигмы

Уже к началу 1990-х годов результатом специализации внутри дисциплины оказалась окончательная утрата даже условного теоретического консенсуса, который удавалось сохранять на протяжении предшествующего периода. Тем не менее в развитии переводческих штудий в указанный период можно обозначить некоторые общие черты.

1. Таргет-ориентированность, т. е. перенос акцента с формального анализа переведенного текста на обсуждение его связей с целевой культурой. Сьюзен Басснетт так характеризует контекст появления в 1990 г. сборника «Перевод, история и культура» (подготовлен ею в соавторстве с Андре Лефевром), выход которого принято считать важнейшим событием, ознаменовавшим начало нового этапа развития западной традуктологии:

Мы хотели привлечь внимание к изменениям, которые, как нам казалось, набирали обороты в переводческих штудиях, и которые свидетельствовали о сдвиге от более формального подхода к переводу — к тому, что переносил акцент на внетекстовые факторы. Изучение переводческой практики, полагали мы, продвинулось вперед, и в фокусе внимания должны были оказаться более широкие проблемы контекста, истории, условий, а не просто споры о том, что такое точность в переводе или что означает термин «эквивалентность» [Bassnett 2007: 13]².

«Мы наконец начинаем осознавать, — констатирует Лефевр в 1992 г., — что перевод заслуживает того, чтобы занять более значимую позицию внутри истории культуры, чем та, которая ему определена в настоящее время» [Lefevre 1992: xiv].

2. Критика традиционной концепции перевода как деятельности по «наведению мостов» между культурами. Первый важный шаг в этом направлении был сделан так называемой школой манипуляции, в которой уже к 1985 г. созрело убеждение, что «с точки зрения целевой (target) литературы, все переводы подразумевают определенную степень манипуляции текстом-источником в определенных целях» (цит. по: [Snell-Hornby 2006: 48]). Но решающую роль в развенчании гуманистических притязаний перевода сыграл Лоуренс Венути, открыто приравнявший его к этноцентричному насилию (violence) над иностранным текстом [Venuti 2004: 18–22, 24]. Перевод, утверждает Венути, есть насильственная подмена языковой и культурной инаковости иностранного текста текстом, который будет понятен читателю переводящей культуры [Ibid.: 18].

Насилие, осуществляемое переводом, является частично неизбежным, присущим процессу перевода, частично потенциаль-

² Здесь и далее перевод цитат наш.

ным, возникающим в любой момент создания и рецепции переведенного текста, варьирующимся в зависимости от конкретных культурных и социальных формаций в разные исторические моменты [Venuti 2004: 19].

Уравняв перевод с насилием, Венути ввел в традуктологию новые конститутивные метафоры и откровенно политизированное видение деятельности, которая ранее воспринималась как нейтрально-дружелюбная по отношению к культуре источника. По его мнению, перевод неизбежно политизирован, поскольку вовлечен в многообразные конфликты, вписан в многочисленные иерархии и оппозиции — языков, культур и институтов — как внутри принимающей культуры, так и вне ее. Эти иерархии выстроены в соответствии с принципами престижа, авторитетности, стоимости, так что еще только приступая к переводу и выбирая текст для него, переводчик уже вовлекается в сложную систему властных отношений.

В 1990-е годы взгляд на перевод как объективно политизированную социальную практику получил продолжение в рамках вдохновляющей идеей Пьера Бурдьё новой дисциплины, социологии перевода (Ж.-М. Гуанвик, П. Казанова, Ж. Сапиро). В ней контролируемые властью «процессы репрезентации и генерирования знаний, а также конструирования идентичности и культуры» [Прунч 2015: 357] исследуются при помощи таких терминов, как *поле*, *капитал*, *символическая борьба*. Так, П. Казанова анализирует «потоки» переводной литературы в контексте мирового литературного рынка, динамику которого определяет борьба между языковыми группами за доминирующие позиции в международной иерархии языков, и обнаруживает существование специфической «экономики» языковых обменов: «...не сводимый к горизонтальному обмену или часто описываемому мирному трансферу, перевод, напротив, может пониматься лишь как “неравный обмен”, происходящий в очень иерархизированном пространстве. Одновременно он может быть описан как одна из специфических форм отношений господства, осуществляющегося в международном поле литературы» [Casanova 2002: 7–8].

3. Формирование новой этической парадигмы. Обозначившийся в конце прошлого века откровенно критический взгляд на перевод повлек пересмотр этических и ценностных аспектов переводческой деятельности. Одной из первых попыток переосмысления переводческой этики стала публикация в 1984 г. книги выдающегося французского теоретика перевода Антуана Бермана «Испытание чужим: Культура и перевод в романтической Германии» [Berman 1984]. В ней Берман ставил вопрос о переводчике как активном посреднике, позиция которого — например, ориентированность на текст-источник или на принимающую культуру — не сводится только к выбору «правильной» методологии, а располагается в сфере этики. Более того, он отвел этике центральное место, определив задачу перевода как установление «диалогического» отношения между переводящей и переводимой культурами: «этический акт состоит в при-

знании и принятии Другого в качестве Другого» [Ibid.: 88]. Предложенное Берманом новое понимание перевода — несводимого к техническому манипулированию словами контакта (*la mise en rapport*) с Другим — вывело обсуждение переводческих проблем на качественно новый философско-эпистемологический уровень. Обозначив этическое отношение к Другому в качестве главного критерия «точности» (*fidélité*), Берман привлек внимание к тем сторонам переводческой практики, которые традиционно обходились молчанием даже внутри переводческого сообщества, — к тому, что работа переводчика неизбежно предполагает моральный и этический выбор; что она неотделима от необходимости принять чью-то сторону, иначе говоря — неизбежно носит ангажированный характер. И, следовательно, представления об «объективности» и «нейтральности» переводчика являются мифом.

Круг затронутых в «Испытании чужим» вопросов оказался актуальным не только для интеллектуальной элиты, но и для широкого круга читателей Пятой республики, переживавшей в канун двухсотлетнего юбилея Французской революции очередную мини-кризис идентичности. По словам канадской переводчицы и критика Шерри Симон,

...[книга сыграла роль] в начинающей набирать обороты политической и этической дискуссии об отношении к Другому, отношении между своим и чужим во французской культуре. <...> Эта дискуссия оставалась центральной на протяжении 1989 г., года двухсотлетнего юбилея Революции, и затрагивала, помимо прочего, темы неоднозначного характера «французского гостеприимства». Речь шла о парадоксальности французского отношения к *инаковости*, о противоречии между республиканским дискурсом и судьбой беженцев и иммигрантов, а также о сложной реакции на культурное самовыражение иностранцев. Как сочетать республиканский дискурс о всеобщих правах с маргинализацией иностранца? Как объяснить и изменить выраженный этноцентризм французов? Книга Бермана оказалась действительно актуальной, поскольку перевод представляет собой отражение существующих в обществе проблем идентичности. Благодаря Берману перевод освободился от эксклюзивной опеки лингвистов и литераторов. Он оказался в центре нового осознания роли культурных отношений как основополагающих для коллективной идентичности. Перевод стал симптомом, открывателем гражданства, определяемого культурой [Simon 2001: 20–21].

4. Критика «невидимости переводчика» и призыв к активному действию. Утрата доверия к переводу как нейтральному «пространству между» (*in between*) культурами, идеальной «ничьей территории» (*no-man's land*) сопровождалась пересмотром концепции «переводчика — нейтрального посредника» (см. об этом: [Tymoczko 2003]). Осознание того, что «объективность» или «нейтральность» переводчика невозможны, породило стремление открыто связать переводческую практику с культурно-политическими задачами. Пионером здесь выступил Л. Венути, с середины

1990-х годов отстаивающий идею перевода как инструмента борьбы с этноцентризмом и нарциссизмом целевой культуры. Венути принадлежит оригинальная концепция форенизирующего перевода, «диссидентской культурной практики» [Venuti 2004: 148], главной задачей которой является расшатывание и обновление иерархий внутри принимающей культуры. При этом его понимание форенизации отчетливо инструментально (в отличие от эссенциализма Ф. Шлейермахера или А. Бермана) и выдает влияние постструктуралистской теории:

Иностранное в форенизирующем переводе не есть прозрачная репрезентация некоей сущности, заключенной в иностранном тексте и значимой как таковая, но стратегический конструкт, чья значимость напрямую соотносится с современной ситуацией в системе принимающего языка [Ibid.: 20].

Л. Венути набрасывает целую программу действий (глава «Призыв к действию» книги «Невидимость переводчика»), призванную покончить с доминирующей на Западе как минимум с XVII в. переводческой идеологией, краеугольными камнями которой являются требование прозрачности переводческого дискурса и невидимости переводчика, а также с ее негативными последствиями в виде систематического «одомашнивания» иностранных текстов. Чтобы выйти из зоны невидимости, считает Венути, переводчикам следует развивать инновационные стратегии, которые сделают их присутствие в тексте заметным для читателя, а также излагать принципы этих стратегий в предисловиях, интервью, статьях, поскольку «подобные самопрезентации будут указывать на то, что язык перевода определяющим образом ведет начало от переводчика, но также на то, что переводчик не является его единственным источником: самостоятельность переводчика заключается в выборе конкретного иностранного текста и конкретной комбинации диалектов и дискурсов из истории <...> литературы в ответ на существующую культурную ситуацию» [Venuti 2004: 311].

В работах британской исследовательницы Моны Бейкер переосмысление роли переводчика приобретает более практико-ориентированные формы. М. Бейкер критикует традиционную концепцию «переводчика — нейтрального посредника» как «доминирующий нарратив», в котором «перевод всегда изображается как сила добра, как средство диалога между культурами» [Baker 2005: 9], отмечая, что это очень упрощенная картина. Достаточно обратиться к любой конфликтной ситуации (Бейкер приводит многочисленные примеры военных конфликтов), чтобы понять, что роль переводчика в ней намного более сложна и неоднозначна, чем нейтральное посредничество. Переводчики должны признать, что они «самым решающим образом активно участвуют в продвижении и распространении нарративов и дискурсов разного типа — как отстаивающих мир, так и подпитывающих конфликты, порабащивающих целые народности и обеспечивающих как раз тот вид наведения языковых мостов, который делает возможным подобные проявления жестокости» [Ibid.: 4]. Сама

Бейкер, один из текстов которой носит программное название «Забудьте о нейтральности» [Baker 2009], призывает переводчиков играть активную роль в урегулировании международных политических конфликтов, а также «найти более реалистичные и нюансированные модели концептуализации этой роли, опирающиеся на действительные, а не идеализированные практики и поведение» [Baker 2005: 4].

Неоднозначные формы ангажированности

Последовательной сторонницей так называемого ангажированного (т. е. вовлеченного в политическую борьбу на стороне угнетенных) перевода является американский традуктолог Мария Тимочко. Ангажированным, по ее мнению, можно считать перевод, наделенный «иллокутивными и перлокутивными измерениями, активно участвующий в социальных движениях, эффективный в достижении реальных социальных и политических изменений» [Tymoczko 2000: 25]. Пример эффективного использования перевода для достижения политических изменений предлагает, по мнению Тимочко, английская переводческая рецепция древнеирландской литературы. В конце XIX — начале XX в. переводы средневекового ирландского эпоса на английский язык включились в процесс конструирования новых, националистически окрашенных структур чувствования, способствовавших переходу ирландцев от «колониального сознания» к сопротивлению и последующему деколонизационному движению. Из неоднозначного персонажа древних саг Кухулин усилиями переводчиков превратился в национального ирландского героя. Тимочко резюмирует:

История переводов ирландской литературы на английский язык дублирует деколонизацию Ирландии и выступает прототипом перевода как активистской деятельности с ощутимыми геополитическими результатами [Ibid.: 31].

Однако, как признает сама Тимочко, степень эффективности переводов в борьбе за независимость Ирландии была прямо пропорциональна деформациям, которым подверглись древнеирландские тексты. В стремлении превратить Кухулина в символ национального объединения ирландцев переводчики широко практиковали то, что сегодня принято квалифицировать как манипулирование источником. Неудивительно поэтому, что когда задача национального освобождения Ирландии была решена, создававшийся с конца XIX в. патриотический миф о Кухулине в свою очередь подвергся деконструкции: в 1969 г. переводчик Томас Кинселла заново перевел древний ирландский эпос и возвратил Кухулину комические, непристойно-гротескные черты, которых его лишили ангажированные патриотические переводы предшествующей эпохи.

М. Тимочко весьма скептически оценивает политическую эффективность форенизирующего перевода в духе Л. Вентури, который, как она считает, не может привести к осязаемым и видимым результатам, поэтому в качестве инструмента политических изменений ненадежен. Так, неопре-

деленность понятия *форенизация*, представляющего в работах Венути скорее как результат, а не совокупность приемов для ее достижения, затрудняет, по мнению Тимочко, его использование в качестве осознанной стратегии и представляет серьезные неудобства с точки зрения дидактики. Впрочем, и сам Венути признает, что спланировать то, каким именно образом читатели считают заложенные в перевод смыслы, равно как и спрогнозировать его общий эффект в контексте принимающей системы, невозможно. Эту мысль он подробно развивает в книге «Перевод, симулякры, сопротивление»:

Критическая сила перевода неизбежно зависит от рецепции, от способности аудитории воспринять и осознать культурный политический жест, который намеревается совершить переводчик. И в ситуации постмодерна, в которой метанарративы, конструирующие тотальные объяснения социальных процессов, утратили эпистемологическую силу, а кое-где и культурный авторитет, переводчик не может рассчитывать на то, что аудитория истолкует переведенный текст в соответствии с конкретным философским или политическим дискурсом, таким как просвещенческий гуманизм или марксистский историзм. Напротив, рецепция перевода, как и любого культурного продукта, не может быть полностью проконтролирована, хотя бы потому, что аудитория, скорее всего, будет фрагментирована на культурные компоненты, характеризующиеся различными, даже конфликтующими ценностями [Venuti 2013: 145].

Венутиевской интеллектуальной стратегии сопротивления через деконструкцию кодов принимающей культуры Тимочко противопоставляет призыв «выйти [за пределы] текстуализированного мира французской критики и возвратиться к практическому опыту, особенно когда практический опыт взывает к ангажированности и действию» [Tymoczko 2000: 32]. Нетрудно заметить, что в основе ее рассуждений об «ангажированном действии» лежит дофуколдианская концепция власти как персонифицированной, локализуемой инстанции, сущность которой сводится к подавлению и запрету. Тексториентированный подход Венути, поскольку он не направлен напрямую и непосредственно против очагов подавления (государства, правящего класса или государствообразующей нации) кажется ей поэтому неэффективным.

Как видим, на практике новая идеология «видимости переводчика» может принимать разные формы: от постструктуралистской игры маргинальными языковыми формами с целью достижения культурно-политического эффекта (Венути) — до более утилитарных и прямолинейных форм политического активизма (Тимочко, Бейкер). «Чрезмерная (политическая) видимость» переводчика при этом вызывает не меньше вопросов этического характера, чем пресловутая «невидимость». Из текстов М. Тимочко, например, непонятно, как, по ее мнению, должны соотноситься ангажированность и этика в переводе. Допустимо ли идеологиче-

ское «переписывание источника», пусть даже в благородных целях? Создается впечатление, что только целеполагание (борьба с несправедливым порядком за более справедливое устройство) отличает хорошую манипуляцию источником от плохой.

Острота полемики, развернувшейся после выхода в 1995 г. книги Л. Венути «Невидимость переводчика», была во многом обусловлена пониманием того, что речь, в конечном итоге, шла не столько о том, какой переводческий метод (ф о р е н и з и р у ю щ и й или д о м е с т и ц и р у ю щ и й) лучше. Вслед за М. Фуко, критически переосмыслившим в 1960–1970-е годы психиатрические и пенитенциарные практики Нового времени, Венути впервые поднял вопрос об историчности переводческих методов, об их идеологической вписанности в социальные институты; более того, об их как минимум амбивалентной, а как максимум потенциально репрессивной природе. Постановка подобных вопросов ознаменовала наступление нового этапа в развитии переводческой теории, гораздо более важного по своим последствиям, чем отказ от лингвистически-ориентированной модели в конце 1970-х или «культурный поворот» начала 1990-х. Их осмысление остается огромным вызовом для современных translation studies.

Выводы

В западных translation studies перевод давно перестал восприниматься исключительно как акт языковой коммуникации. И в собственных детерминантах, и в производимом эффекте перевод рассматривается как в первую очередь культурный феномен: на его создание и рецепцию оказывает влияние целый ряд социокультурных и идеологических факторов, его анализ невозможен вне взаимосвязи с факторами власти, культурных и политических гегемоний. После «культурного поворота» в западном переводоведении произошел отказ от концепции объективного и нейтрального перевода в пользу нового его понимания как могущественного политического инструмента формирования культурной идентичности. Переводчик, которому ранее, в рамках лингвистической парадигмы, отводилась скромная техническая роль переносчика смысла (буквально: translator), в рамках культурно-ориентированной парадигмы занял место соавтора, полноправного субъекта политического диалога, который при желании способен сопротивляться узурпаторству и этноцентризму собственной культуры. Призыв сопротивляться доминантам принимающей культуры и не бояться открытого политического активизма на стороне слабых в значительной степени определяет содержание новой западной этики перевода.

Литература

- Борисенко 2007 — *Борисенко А. Л.* Не кричи: «Буквализм!» // *Мосты: журнал переводчиков*. 2007. № 2 (14). С. 25–34.
- Борисенко 2008 — *Борисенко А. Л.* Еще раз о буквализме // *Мосты: журнал переводчиков*. 2008. № 1 (17). С. 7–14.
- Бузаджи 2008 — *Бузаджи Д. М.* Векторы смысла: О функциональном подходе к переводу // *Мосты: журнал переводчиков*. 2008. № 3 (19). С. 43–59.
- Бузаджи 2011 — *Бузаджи Д. М.* Закалка переводом: Об идеологической стороне переводческой практики и преподавания перевода // *Мосты: журнал переводчиков*. 2011. № 1 (29). С. 1–12.
- Бузаджи 2014 — *Бузаджи Д. М.* Что такое буквализм? // *Мосты: журнал переводчиков*. 2014. № 2 (42). С. 37–49.
- Ланчиков 2007 — *Ланчиков В. К.* Пентхаус из слоновой кости // *Мосты: журнал переводчиков*. 2007. № 3 (15). С. 15–29.
- Ланчиков 2008 — *Ланчиков В. К.* По законам вообщистики // *Мосты: журнал переводчиков*. 2008. № 1 (17). С. 14–19.
- Ланчиков 2014 — *Ланчиков В. К.* Наука чистая и не очень: О книге А. Г. Азова «Поверженные буквалисты» // *Мосты: журнал переводчиков*. 2014. № 2 (42). С. 29–36.
- Максимова 2012 — *Максимова А. С.* Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 1. С. 128–140.
- Прунч 2015 — *Прунч Э.* Пути развития западного переводоведения: От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015.
- Baker 2005 — *Baker M.* Narratives in and of translation // *SKASE: Journal of Translation and Interpretation*. Vol. 1. No. 1. 2005. P. 4–13.
- Baker 2009 — *Baker M.* Forget neutrality // *The Linguist*. Vol. 48. No. 3. 2009. P. 24–26.
- Bassnett 2002 — *Bassnett S.* Translation studies. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2002.
- Bassnett 2007 — *Bassnett S.* Culture and translation // *A companion to translation studies* / Ed. by P. Kuhlwiczak, K. Littau. Clevedon; Buffalo: Multilingual Matters, 2007. P. 13–23.
- Berman 1984 — *Berman A.* L'Épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984.
- Casanova 2002 — *Casanova P.* Consécration et accumulation de capital littéraire // *Actes de la recherches en sciences sociales*. Vol. 144. 2002. P. 7–20.
- Lefevre 1992 — *Translation/History/Culture: A sourcebook* / Ed. by A. Lefevre. London; New York: Routledge, 1992.
- Pyт 1995 — *Pyт A.* European translation studies, *une science qui dérange*, and why equivalence needn't be a dirty word // *TTR: Traduction, terminologie, rédaction*. T. 8. № 1. 1995. P. 153–176.
- Simon 2001 — *Simon Sh.* Antoine Berman ou l'absolu critique // *TTR: Traduction, terminologie, rédaction*. T. 14. № 2. 2001. P. 19–29.
- Snell-Hornby 2006 — *Snell-Hornby M.* The turns of translation studies: New paradigms or shifting viewpoints? Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.
- Tymoczko 2000 — *Tymoczko M.* Translation and political engagement: Activism, social change and the role of translation in geopolitical shifts // *The Translator*. Vol. 6. No. 1. 2000. P. 23–47.

- Tymoczko 2003 — Tymoczko M. Ideology and the position of the translator: in what sense is a translator ‘in between’? // *Apropos of ideology — Translation studies on ideology — Ideologies in translation studies* / Ed. by M. Calzada Perez. Manchester: St. Jerome Publishing, 2003. P. 181–202.
- Venuti 2004 — Venuti L. The translator’s invisibility: A history of translation. London: Routledge, 2004.
- Venuti 2013 — Venuti L. Translation changes everything: Theory and practice. London; New York: Routledge, 2013.

References

- Baker, M. (2005). Narratives in and of translation. *SKASE: Journal of Translation and Interpretation*, 1(1), 4–13.
- Baker, M. (2009). Forget neutrality. *The Linguist*, 48(3), 24–26.
- Bassnett, S. (2002). *Translation studies* (3rd ed.). Routledge.
- Bassnett, S. (2007). Culture and translation. In P. Kuhiwczak, & K. Littau (Eds.). *A companion to translation studies* (pp. 13–23). Multilingual Matters.
- Berman, A. (1984). *L'Épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique*. Gallimard.
- Borisenko, A. L. (2007). Ne krichi: “Bukvalizm!” [“Don’t cry: literalism!”]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2007(2, no. 14), 25–34. (In Russian).
- Borisenko, A. L. (2008). Eshche raz o bukvalizme [Once again about literalism]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2008(2, no. 17), 7–14. (In Russian).
- Buzadzhi, D. M. (2008). Vektory smysla: O funktsional’nom podkhode k perevodu [Meaning vectors: On the functional approach to translation]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2008(3, no. 19), 43–59. (In Russian).
- Buzadzhi, D. M. (2011). Zakalka perevodom: Ob ideologicheskoi storone perevodcheskoi praktiki i prepodavaniia perevoda [Translation training: On the ideological side of translation practice and translation teaching]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2011(1, no. 29), 1–12. (In Russian).
- Buzadzhi, D. M. (2014). Chto takoe bukvalizm? [“What is literalism?”]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2014(2, no. 42), 37–49. (In Russian).
- Casanova, P. (2002). Consécration et accumulation du capital littéraire. *Actes de la recherches en science sociales*, 144, 7–20.
- Lanchikov V. K. (2007). Pentkhaus iz slonovoi kosti [Ivory penthouse]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2007(3, no. 15), 15–29. (In Russian).
- Lanchikov V. K. (2008). Po zakonam voobshchistiki [According to the laws of generalization]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2008(1, no. 17), 14–19. (In Russian).
- Lanchikov V. K. (2014). Nauka chistaia i ne ochen’: O knige A. G. Azova “Poverzhennye bukvalisty” [Science pure and not so: About the book of A. G. Azov “Defeated literalists”]. *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2014(2, no. 42), 29–36. (In Russian).
- Lefevre, A. (Ed.) (1992). *Translation/History/Culture: A sourcebook*. Routledge.
- Maksimova, A. S. (2012). Analiz polevykh dnevnikov v kontekste proizvodstva etnograficheskikh tekstov [Analysis of field diaries in the context of ethnographic text production]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, 2012(1), 128–40. (In Russian).
- Prunč, E. (2015). *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Frank & Timme.

- Пым, А. (1995). European translation studies, *une science qui dérange*, and why equivalence needn't be a dirty word. *TTR: Traduction, terminologie, rédaction*, 8(1), 153–176.
- Simon, Sh. (2001). Antoine Berman ou l'absolu critique. *TTR: Traduction, terminologie, rédaction*, 14(2), 19–29.
- Snell-Hornby, M. (2006). *The turns of translation studies: New paradigms or shifting viewpoints?* John Benjamins Publishing Company.
- Тымoczко, М. (2000). Translation and political engagement: Activism, social change and the role of translation in geopolitical shifts. *The Translator*, 6(1), 23–47.
- Тымoczко, М. (2003). Ideology and the position of the translator: in what sense is a translator 'in between'? In М. Calzada Perez (Ed.). *Apropos of ideology — Translation studies on ideology — Ideologies in translation studies* (pp. 181–202). St. Jerome Publishing.
- Venuti, L. (2004). *The translator's invisibility: A history of translation*. Routledge.
- Venuti, L. (2013). *Translation changes everything: Theory and practice*. Routledge.

Информация об авторе

Елена Николаевна Стародумова

PhD

доцент, кафедра романо-германской филологии, Астраханский

государственный университет

Россия, 414056, Астрахань,

Ахматовская ул., д. 11

✉ *el.starodumova@gmail.com*

Information about the author

Elena Nikolaevna Starodumova

PhD

Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology,

Astrakhan State University

Russia, 414056, Astrakhan,

Akhmatovskaya Str., 11

✉ *el.starodumova@gmail.com*